

Эдуард Хвиловский

Уходят в воздух ароматы вод

1.

В пределах дня—невидимый предел
неведомого и тройного смысла,
который до сих пор не поредел

и где все убеждения зависли,
найдя, быть может, искренний задел
той самой настоящей благодати,

которую с огнём не отыскать
в отдельной позолоченной палате,
где есть что, не раздумывая, взять,—

но брать не надо даже при доплате,
чтобы потом никак не горевать
ни до, ни после золотой потери

на самом сущем из возможных деле.
Как говорил Люберий: «Вот тетрадь,
а вот перо. Запишешь—сразу спать».

2.

Кто знает... где созвучий всех объём
оценок добывается снаружи
и снова пробивает стены лбом,

пока широкое не сделается уже?
Часть мыслей иногда на голубом,
на красном или жёлтом ненароком,

потом на добром, часто на знакомом,
скорее узком, нежели широком,
в конце концов скрывается за домом

или в овраге, некогда глубоком
и оттого предметном и бедовом.
Вы можете сказать здесь просто «да»

иль просто «нет»— вас всё равно не слышат.
Вот так и образуется гряда,
пока перо-стило о чём-то пишет.

3.

Каким бы ни был месяц, год и век,
идёт по той же улице начальной
всё тот же предпоследний человек,

весёлый и по праздникам печальный,
обосновавший как-то свой побег
туда, куда никак не убежать,

хотя то и предписано с вершины
когда-то было. Истину понять
не довелось на пажитях чужбины,

где некого и нечем удивлять,
считая год за два и оба за год,
и снова что-то как-то узнавать.

Уходят в воздух ароматы вод,
и невозможно даже осознать,
кто и за кем, куда, когда уйдёт.

4.

Ушло—и нет, и круг квадратом стал,
потом каким-то жёлтым резонансом,
и кто-то где-то что-то оборвал,

воспользовавшись игровым нюансом.
Зачем, и кто, и для какой игры?
(Возможно даже, что и для «серьёза».)

И до какой неведомой поры?
И в силу чьей невидимой печали?
И до какой жары или мороза?

И почему мы этого не ждали?
Откуда эта вся метаморфоза
в просторном некогда и светлом зале?

И для чего вообще такие вбросы?
Возможно, мы давно в полуфинале?
Или в финале? Вот и все вопросы.

5.

Звучит салют, и множится молва
о том, что было, не было и есть
в историях простого меньшинства,

за что молве по разуму и честь.
А выскочек размелют жернова,
которые у нас в достатке есть

везде, где появлялся наш Макар,
телят гонявший так, что не присесть,—
иначе и не разогнать весь пар,

рассказывая то, что не сказать.
Затем внезапный пронесётся шквал—
и станет так, что и ни дать ни взять,

и волны вдруг ударят о причал,—
им тоже очень хочется узнать
о том, кто, где, кого и как достал.

6.

«Что связывает с прошлым», кроме строк
примерного в недавнем прошлом брата?
Там были и разливы, и поток

от наших кухонь до шатров Сократа,
где позолоты больше не блестят.
Там было всё отзывчиво и свято,

и был прелестный, настоящий дым,
в котором остросложности копят,
чтоб было неповадно остальным

судачить о подвохах в подоплёках
и презирать того, кто нелюдим
во всех подземных и наземных сроках.

7.

Ответа нет ни у зеркал, ни у
одной струны из многих в фортепьяно,
чернеющее в угловом плену,

подобно многим из того же клана,
встречающего лето, и весну,
и осень— клавиш чистым перебором

и чистой волей музыкальных тем
с неизмеримым внутренним простором.
В них раствориться хочется совсем—

хоть во дворце, а хоть и под забором,
без теорем и памятных дилемм,
вне всех морей, озёр и океанов,

без шума,— даже пусть и от земли,
без труб, литавр и прочих барабанов
вблизи, у центра или же вдали.

8.

«Запавшее молчанье среди клавиш»
подобно всем молчаниям другим.
Его и не убьёшь, и не исправишь.

Где был огонь, наличествует дым
прекрасного из близкого далёка,
которое красивая юла

в своих коловращениях цветных
фельдъегерю неспешно отдала
в своих же закоулках мозговых.

Ей помогали в этом зеркала
и знания движений ведовских,—
и отразили общие дела

внутри большой, невидимой свободы
единственные нужные слова,
и тихие в ночи сомкнулись воды.

9.

Предугадать подобное молчанье
сложнее, чем молчание ягнят
или в лесу внезапный камнепад,

которого неведомо звучанье
там, где не наблюдаем перепад
высот и всё просчитано дозором

и волей запечатанных в нём тем
с неизмеримым внутренним простором,
в котором нет того, что насовсем,

но лишь на время, да и то с укором
от дольщиков, катренов и морфем
и под ключом без всех замочных скважин,

поскольку нет и не было замков
на выставке с таким же вернисажем,
как этот, что внутри вот этих слов.

10.

Совсем светло, совсем темно, и снова
совсем светло—иль это снится мне.
Пусть так. Пусть хоть совсем не так— подкова

и над дверьми прибита, и в окне
висит другая на верёвке прочной,
и есть зола в чулке, а он в саду

закопан ночью под луной огромной,
и яблочные косточки в меду
припрятаны в бутылке экономной,